

А. В. БЛЮМ

Из бунинских разысканий

І. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК «ГРАММАТИКИ ЛЮБВИ»

В свое время, занимаясь Буниным, автор этих строк заинтересовался вопросом: существовала ли в действительности книга «Грамматика любви», ставшая, в сущности, «главным героем» одноименного рассказа? Именно в нем впервые отчетливо и сильно прозвучали мотивы, которые потом найдут еще большее развитие в рассказах «Дело корнета Елагина», «Солнечный удар» и, особенно, — в позднем цикле «Темные аллеи». В этих произведениях любовь изображена Буниным как трагическое, роковое, «абсолютное» чувство, которое неожиданно, подобно удару, обрушивается на человека, захватывая его целиком, не оставляя места ни для чего другого. Судя по всему, сам Бунин очень дорожил этим рассказом, неизменно включая его в состав своих избранных сочинений, в том числе и в последний прижизненный сборник («Митина любовь». Париж, 1953). Как и в ряде других произведений Бунина, запечатлена в рассказе старинная книга, причем не в качестве декоративного фона, детали или музейного атрибута, а как яркий художественный образ, позволяющий с необыкновенной изобразительной силой высветить потаенный духовный мир героя, создать настроение, вызвать тот особый «звук», которым так дорожил писатель. Ивлев, от лица которого ведется рассказ в «Грамматике любви», находит в заброшенном, почти опустевшем имении помещика Хвоцинского «престранные книги», и в их числе «крохотную, прелестно изданную почти сто лет назад книжечку “Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым”» *. В структуре рассказа книжечка занимает очень важное место: не случайно она дала ему

* *Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 3. С. 304, 305.*

название. Эта «мертвая книга» как бы противопоставлена «живому персонажу» — наследнику Хвощинского, молодому человеку, ведущему какое-то выморочное, тусклое, полурастительное существование. Под пером Бунина книжечка становится реальнее тех живых, которые, как некогда сказал Петрарка, «...только потому считают себя живыми, что видят собственное дыхание в холодном воздухе»*.

Но является ли она реалией? В конце концов, она могла быть придумана, тем более — Буниным, блестящим стилистом. Однако сам Бунин в очерке «Происхождение моих рассказов» свидетельствует, что такая книга существовала в действительности, а не в воображении художника: «Мой племянник Коля Пушешников, большой любитель книг, редких особенно, приятель многих московских букинистов, добыл где-то и подарил мне маленькую старинную книжечку под заглавием «Грамматика любви». Прочитав ее, я вспомнил что-то смутное, что слышал в ранней юности от моего отца о каком-то бедном помещике из числа наших соседей, помешавшемся на любви к одной из своих крепостных, и вскоре выдумал рассказ с заглавием этой книжечки от лица какого-то Ивлева, фамилию которого я произвел от начальных букв своего имени и моей обычной литературной подписи» (писатель неизменно подписывал свои произведения «Ив. Бунин». — А. Б.)**.

К сожалению, в рассказе не указывается имя автора самой книжечки, что необычайно затруднило ее поиск. Сейчас я опускаю детали довольно сложного библиографического разыскания, которые привели, наконец, к установлению авторства. Скажу лишь, что для этой цели пришлось просмотреть ряд фундаментальных библиографических трудов, зарегистрировавших русские издания «романтической», или «александровской», эпохи: пятитомный «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова (СПб., 1813—1821), «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (СПб., 1828) и другие, но в них она не значится. Обнаружить сведения о ней удалось лишь в «Систематическом реестре русским книгам с 1831 по 1846 г.» книготорговца М. Д. Ольхина (СПб., 1846): под № 5029 значится изданная в Москве в 1831 г. «Грамматика любви». Странно, однако, что зарегистрирована она под именем... «господина Мольера»!

* Эти слова поставлены эпитафией к труду А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению» (Л., 1924).

** Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 369.

Приводимые Буниным выдержки из «Грамматики любви», надо сказать, как-то очень уж мало напоминали руку великого комедиографа... Пришлось обратиться к французским источникам, и в одном из них, а именно в многотомном каталоге Парижской Национальной библиотеки, удалось найти описание книги, название которой показалось очень похожим: «Moléri. Code de l'amour. Paris, 1829». Одновременно указывалось, что Мольри — это псевдоним некоего Ипполита Жюль Демольера (Hippolit Jules Demolier).

Теперь все встало по своим местам, можно было заказывать книгу из фонда нашей «Публички» (теперь она называется Российской Национальной библиотекой), и эта «прелестно изданная», по словам Бунина, миниатюрная книжечка действительно нашлась в ней. Кажется, это уникальный экземпляр — в других библиотеках найти ее не удалось; был экземпляр русского издания «Грамматики любви» в Библиотеке Академии наук, но, как гласил ответ, — «утрачен». На титульном листе ее и в самом деле указано, что сочинена она «г. Мольером»... Скорее всего, мы столкнулись с лукавой проделкой русского книгоиздателя, который, отбросив первый слог фамилии автора, как якобы «дворянскую приставку» «де», выдал «Грамматику любви» за книгу великого француза, хорошо известного русской читающей и театральной публике. Такие мистификации, замечу, были не так уж редки в XVIII—XIX вв., способствуя рекламе книги и ее успешной распродаже.

Несколько слов об истинном авторе книги — Ипполите Жюле Демольере, сведения о котором можно найти во французских источниках. Родился он в Нанте в 1802 г., умер в 1877-м, изучал в университете право и медицину, но затем стал профессиональным и весьма популярным драматургом и прозаиком. «Словарь псевдонимов», вышедший еще при жизни Демольера (Париж, 1869), сообщает, что он, вступив на литературное поприще, был очень смущен тем, что его фамилия так напоминала псевдоним, под которым выступал на сцене и в печати великий комедиограф; поэтому, «дабы не омрачать тень великого комика», как изящно сказано в «Словаре», он избрал псевдоним «Мольри». Интересно, что его литературная карьера началась с издания в 1829 г. именно «Кодекса (или правил, законов) любви», который под названием «Грамматики...» был с завидной оперативностью переведен и издан в Москве в 1831 г.

По-видимому, «Грамматика любви» пользовалась в России того времен большим успехом. Небезынтересен, в частности, такой факт: вскоре после появления русского издания был сделан

перевод ее на грузинский язык. Правда, книгу издать не удалось, и перевод остался в рукописи*.

II. ЗАЧИН «ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА»

*«Вещи и дела, еще не написанныи бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии...»***

Строки, которыми начинается «Жизнь Арсеньева», так точно и образно передающие сокровенный смысл и значение письменной культуры человечества, — своего рода камертон к роману. Эта фраза вполне могла стать его эпитафией; в сущности, она и играет такую роль. В отличие от первого случая, я почти не сомневался в том, что почерпнута она из какого-то литературного источника (скорее всего, древнерусского), тем более что заключена она Буниным в кавычки. Хотя... всякое бывает.

В отличие от поисков «Грамматики любви», разыскание источника не потребовало длительных библиографических изысканий. Источник фразы атрибутирован был почти сразу. Решив, больше по наитию, что искать его следует скорее всего в сочинениях старообрядцев, я обратился к фундаментальному указателю В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний», изданному Императорской Археографической комиссией (СПб., 1912). Выбор оказался удачным, причем вдвойне. Во-первых, один из крупных разделов этого почтенного труда, а именно «Сочинения безымянные, письма, послания» — составлен по принципу так называемого инципитария, при котором рукописные и опубликованные сочинения помещаются не в алфавите авторов или названий (в старообрядческих рукописях они зачастую отсутствуют), а по алфавиту первых слов текста. Во-вторых, и это еще большая удача, к счастью, именно с тех слов, которыми начинается бунинский зачин («Вещи и дела...»), начинается и указанное в труде Дружинина старообрядческое сочинение, вошедшее в литературу под сокращенным названием «Поморских ответов». Полное же название их таково: «История краткая и ответех сих, чего ради и како ответи сии и разглагольство о сих, и когда, и где, и с ким сия содешася». «Поморские

* Орловская М. К. Об уточнении описания одной рукописи // Труды Тбилисского университета. Тбилиси, 1976. Т. 177. С. 261—269.

** Бунин И. А. Собр. соч. Т. 6. С. 7.

ответы» в начале века печатались трижды: в 1911 г. под названием «При ответах» старообрядцы дважды выпустили их в Москве и один раз в Уральске *. Кроме того, как сообщает В. Г. Дружинин, еще ранее они вошли — с тем же зачином — в «Историю Выговской обители», изданную Д. Е. Кожанчиковым в Петербурге в 1863 г., принадлежащую перу знаменитого поморского проповедника, третьего (после Семена и Андрея Денисовых) настоятеля Выго-Алексинского общежительства и его историка Ивана Филиппова (1661—1744)**.

В Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки хранится рукопись Ивана Филиппова под полным названием «История о зачале Выговской пустыни, и в коих летех и от каких жителей населися». В ней же помещено сочинение, имеющее более или менее самостоятельный характер, под названием «История краткая и ответех сих...» (шифр: ИПБ. Q 1. № 1075. Л. 108 об.). Оно и начинается фрагментом, который в усеченном и слегка переделанном виде воспроизведен в бунинском зачине. Вот полный его текст:

«Вещи и дела бывшая и бывающая, великая и малая, веселая и печальная, аще неписана бывают, тмою неизвестия покрываются и гробу безпамятства предаются и у самих делающих из памяти прохождением времени исходят и мрачне сливаются. Написанная же яко одушевленна вещают».

Такой же текст (хотя и с некоторыми разночтениями) помещен и в указанных выше печатных изданиях. По какому же именно источнику познакомился Бунин со строками, сразу же, видимо, бросившимися ему в глаза? Вряд ли он пользовался рукописью «Поморских ответов»... Столь же сомнительно, что он увидел их в указанных выше изданиях начала XX века, имевших хождение почти исключительно в старообрядческой среде. Наиболее вероятно, что он почерпнул их из книги Ивана Филиппова «История Выговской обители», напечатанной в Петербурге.

III. «ПОД СЕРПОМ И МОЛОТОМ» (БУНИН В СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ)

К счастью для Бунина, в эмиграции ему не пришлось столкнуться с невиданной в истории системой тотального цензурного

* См.: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 225, 323, 489.

** Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Ч. 2. СПб., 1993. С. 22—23.

контроля, установившейся в России после октября 1917 г. * Как известно, Бунин решительно и бесповоротно не захотел услышать «музыку» в событиях, которые сразу же расценил как «кровавое безумие» и «повальное сумасшествие», когда «все преграды, все заставы божеские и человеческие пали» **. В Одессе, где жили Бунины с мая 1918 по январь 1920 г., он публикует на страницах местных газет статьи, полные яростного неприятия большевизма, вошедшие затем частично в книгу «Окаянные дни».

В эмигрантские годы Бунину также счастливо удалось избежать какого бы то ни было насилия над своим творчеством, в частности, со стороны всегда процветавшей в России так называемой «цензуры журналов», когда наметился политический раскол эмиграции (принцип «свой — не свой»). Каждому изданию лестно было напечатать на своих страницах произведения «последнего русского классика», академика, а с 1933 г. — первого русского нобелевского лауреата. Сам писатель, далекий от политической суеты, предпочитал, тем не менее, отдавать свои крупные вещи изданию, стоявшему вне партий, — лучшему журналу Русского зарубежья, знаменитым «Современным запискам», выходившим в Париже с 1921 по 1940 гг.

Иным было, разумеется, отношение к Бунину верховного цензурного ведомства — Главлита РСФСР, созданного 6 июня 1922 г. Уже в первой инструкции цензорам предписывалось «запрещать ввоз из-за границы <...> все произведения, носящие определенно враждебный характер к советской власти и коммунизму, проводящие чуждую и враждебную пролетариату идеологию, произведения авторов-контрреволюционеров...» ***. И сам Бунин, и практически все его произведения эмигрантской поры попадали под пункты этого циркуляра. В дальнейшем эти пункты детализировались и ужесточались: после 1927 г. запрещено было провозить в СССР все произведения авторов-эмигрантов, независимо от их направленности и содержания.

Первое упоминание о Бунине в цензурных документах, как удалось установить, относится к марту 1923 г., когда вышел «Секретный бюллетень Главлита», печатавшийся на машинке в 12 экземплярах и адресованный верхушке политического и идеоло-

* О цензурных неприятностях Бунина до 1917 г. см.: Блюм А. В. Цензура о раннем Бунине // Русская литература. 1970. № 3. С. 131—136.

** Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992. С. 121.

*** Подробно об отношении советской цензуры к эмигрантской печати и литературе см. в кн.: Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917—1929. СПб., 1994. С. 192—232.

гического руководства. На титульном листе бюллетеня напечатано: «Совершенно секретно. Настоящий бюллетень разослан следующим товарищам: 1. Тов. Ленину. 2. Тов. Троцкому. 3. Тов. Сталину...» *. В нем, в частности, помещены обстоятельные обзоры печати и литературы русского зарубежья — в разделах «Сведения о виднейших русских литераторах, эмигрировавших за границу» и «Отзывы о новых зарубежных книгах». В последнем разделе особо отмечался факт разрешения или запрещения «русскоязычных» книг для ввоза в Россию: в основном, конечно, все книги запрещались, исключения были крайне редки. Фигурирует здесь и первая книга Бунина, выпущенная в эмиграции, — сборник рассказов «Крик», напечатанный в 1921 г. берлинским издательством «Слово». Вот как оценивает его советская цензура: «Претенциозный сборник натуралистических рассказов, пытающийся в природной жестокости русского народа найти обоснование революционной катастрофе». На полях, естественно, резолюция — «*Не разрешена*», хотя в сборник вошли исключительно дореволюционные рассказы писателя («Ночной разговор», «Смерть», «Крик», давший название сборнику, и другие).

Внимание советских цензоров привлекли не только сами «жестокые» рассказы Бунина, но, видимо, и надпись-автограф, сделанная изящным бунинским почерком и факсимильно воспроизведенная на форзаце берлинского издания, — настоящее стихотворение в прозе:

«И эта книга создавалась в иные, счастливые дни, в дни, когда не только была родина, но и весь мир был родней и ближе, полные надежд, сил, замыслов, в дни неустанных скитаний и ненасытного восприятия. Много сердца я отдал тогда России, смутно страшась за судьбу ее. Как дивились, негодовали на мои “черные”, “жестокые”, “неправдоподобные” краски, и — светлых, добрых не хотели видеть, — всем памятно...

Увы, теперь нет надобности оправдываться.

Париж. 17/30 января 1921. Ив. Бунин».

Эти горькие строки, перекликающиеся с размышлениями в позднейшей «Жизни Арсеньева», не вошли, насколько мне известно, в корпус известных нашему читателю бунинских текстов и никогда не воспроизводились.

Дополнительным криминалом для цензоров послужил сам факт публикации сборника Бунина именно берлинским издательством «Слово», все издания которого, согласно «Справке об издательствах, издания которых не пропускаются в РСФСР Глав-

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 31, оп. 2, д. 13.

литом», были запрещены к ввозу — «...в силу того, что им руководит Иосиф Гессен (в прошлом член Государственной думы, выпустивший в эмиграции знаменитый многотомный «Архив русской революции». — А. Б.), организовавший издательство на коммерческой основе с целью финансировать правокадетскую группу и газету “Руль”» *.

Сам Бунин, если бы он каким-то чудом познакомился с цензурным отзывом 1923 г., был бы, видимо, поражен сходством лексики и «претензий», высказанных в нем, с доводами своих прошлых и будущих критиков, не раз обвинявших его в излишней «злости», «жестокости», «несправедливости», «пристрастности» и прочих грехах. «Беспристрастность! — отвечал им Бунин в дневнике 1918 г. — Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы что ж, не люди, что ли?» **. Обвинение Бунина в «русифобии», как сейчас бы это они сформулировали, совершенно беспочвенно. И вовсе не в «природной жестокости русского народа» он видел причину революционных потрясений и эксцессов, а в низменной, замороженной, к тому же окончательно распропагандированной и деморализованной после февраля 1917 г. ментальности деревенского и городского плебса, охлоса, готового на все и ставшего главной силой и питательной средой грянувшей в октябре катастрофы.

В том же 1923 г. Политотдел Госиздата РСФСР, которому доверена была цензура собственных, «гизовских», изданий, обратил внимание на сборник «Деревня в русской поэзии. Избранные произведения русской литературы», составленный поэтом П. Орешиним. «Современная поэзия, — говорилось в отзыве «политредактора» (так назывались тогда цензоры), — представлена Блоком, Бальмонтом, Буниным и другими поэтами, конечно, не дающими никакого представления о быте современной деревни. Необходимо сборник переработать, изъяв все стихотворения поэтов-эмигрантов, а из стихотворений новых поэтов оставив только те, которые действительно отражают быт современной деревни и являются характерными для современной поэзии» ***. По-видимому, Петр Орешин, погибший позднее, в годы Большого террора, не пошел на это, и сборник не вышел в свет: во всяком случае, его нет ни в одной из крупнейших библиотек страны.

* Там же, д. 9.

** Бунин И. А. Окаянные дни. С. 26.

*** ГАРФ. Ф. 395, оп. 9, д. 338, л. 30.

Тем не менее в «относительно вегетерианскую», по выражению Анны Ахматовой, эпоху нэпа, когда ненадолго дозволены были частные и кооперативные издательства, с 1926 по 1928 гг. вышло 8 книг Бунина, издававшихся не только ими, но и самим ГИЗом: «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга. Избранные рассказы», «Дело корнета Елагина», «Худая трава» и др. Понятно, в них включались только дореволюционные рассказы Бунина, те именно, которые, с точки зрения авторов «марксистских предисловий», были написаны в духе «критического реализма» и «обличали капитализм». Власть тогда вела потаенные игры с эмиграцией, особенно сменовеховской и евразийской, пытаясь расколоть ее и привлечь на свою сторону, что частично и удалось: некоторые идеологи этих течений вернулись на родину (все они в годы Большого террора были расстреляны). Бунин не принадлежал к этим кругам, но заигрывание с крупнейшими писателями эмиграции тогда тоже входило в задуманный план.

Главлитом все же чинились всяческие препятствия на пути издания бунинских книг в России. Свидетельствует об этом, в частности, секретное предписание, присланное им в Лениноблгорлит 25 октября 1926 г.: «Не возражая по существу против содержания повести Бунина “Митина любовь”, Главлит считает издание ее нецелесообразным, поскольку автор ее — эмигрант-белогвардеец. Просьба об этом поставить в известность издательство “Прибой”, в издательский план которого входит выпуск указанной книги. Вопрос согласован с Отделом печати ЦК ВКП(б). Начальник Главлита Лебедев-Полянский. Зав. Русским отделом Стуков» *. «Митина любовь» была тем не менее выпущена в свет в 1926 г. ленинградским издательством «Прибой»; возможно, Главлит позднее переиграл свое решение, хотя документы на этот счет в архиве отсутствуют. Но та же повесть Бунина позднее, в конце 1926 г., попала в «Сводку рукописей, запрещенных Главлитом с 1 ноября по 1 декабря 1926 г.» — в связи с попыткой московского издательства «Современные проблемы» также издать «Митину любовь» **. На этот раз предписание было выполнено точно: такой книги не существует.

Еще более непримирима к Бунину, как и вообще к писателям-эмигрантам, была цензура Главполитпросвета, напоминавшая дореволюционную «педагогическую», о которой шла речь выше, но еще более жестокую. Возглавлявшийся в 20-е годы Н. К. Крупской, Главполитпросвет проводил время от времени «очистку»

* ЦГАЛИ СПб. Ф. 31, оп. 3, д. 26, л. 751.

** Там же, л. 796.

массовых библиотек от «контрреволюционной литературы». Имя Бунина постоянно встречается в проскрипционных списках Главполитпросвета, рассылавшихся по всем библиотекам страны. Изъятию подверглись даже те книги Бунина, которые были изданы в СССР с дозволения цензуры. Так, в частности, велено было «очистить фонды» от сборника рассказов «Сны Чанга», изданных ГИЗом в 1928 г., с такой ремаркой: «Мало созвучны современному читателю». В первых списках фигурируют конкретные издания бунинских книг, а в конце 20-х годов напротив его имени появляется помета — «Все».

В 1928 г. вышла последняя, перед 30-летним почти перерывом, книга Бунина в России. Отношение к нему было сформулировано в этом году наркомом просвещения А. В. Луначарским (кстати, Главлит первые десять лет — с 1922 по 1932 гг. — подчинялся Наркомпросу). В «Ответе Ромену Роллану», опубликованном тогда в журнале «Вестник иностранной литературы» (1928. № 3), он упрекал французского писателя в «двойственности» позиции: «Чрезвычайно досадно, что Роллан принял эти две печальные фигуры (Бунина и Бальмонта. — А. Б.) за серьезных людей и отвечал им не только в серьезном, но и уважительном тоне». По мнению наркома, «Бунин — сплошная злостная истерика, которая вселилась в его хилое <!> тело и дергает в разные стороны его нервы», он «до глубины своего существа, до самой своей пуповины — помещик, со всеми отрицательными чертами брызгливого, брызжащего барина, который знает, что класс его выпирается жизнью...»

После «года великого перелома» («перешива», как стали говорить в последнее время) вообще не могло быть речи об издании произведений Бунина. В 1-м томе «старой» «Литературной энциклопедии» (1930 г.) статья о нем все-таки помещена, но в ней уже высказан окончательный приговор: «Самый переход Бунина в эмиграцию, его резко озлобленное отношение к Советской России, выразившееся в газетных фельетонах, речах, некоторых новеллах («Несрочная весна», «Красный генерал») и выделяющее Бунина даже среди писателей-эмигрантов, представляется лишь практическим выводом, который с фанатической последовательностью был сделан Буниным из всего его мироощущения».

На многие годы имя писателя было вычеркнуто из памяти: он был объявлен «нелицом», если вспомнить термин, употреблявшийся чиновниками «Министерства правды» в романе Джорджа Оруэлла «1984». Чтение Бунина, а тем более похвалы ему в наступившие годы террора нередко заканчивались трагически. В то же самое время, в 1943 г., когда знаменитый русский писа-

тель с замиранием сердца, пробиваясь сквозь треск и вой глушилок, слушал на своей вилле в Грассе, на юге Франции, лондонское радио, сообщавшее о военных событиях в России, на другом конце земли, в ледяном колымском лагере, другой русский писатель — Варлам Шаламов — получает второй лагерный срок только за то, что неосторожно назвал Бунина «великим русским писателем».

Редкие попытки даже простого упоминания имени писателя, пусть в сугубо отрицательном контексте, сразу же и решительно пресекались цензурой. Писательская газета «Литературный Ленинград» намеревалась опубликовать 11 июля 1936 г. (№ 32) фельетон З. Штеймана «Иудушка на Парижском бульваре», название которого говорит само за себя; судя по всему, в нем разоблачались «поклепы», возводимые Буниным и, возможно, другими писателями-эмигрантами на Горького, умершего 18 июня того же года при «загадочных», как мы знаем, обстоятельствах. Однако и эта «нужная», казалось бы, статья не увидела света. Цензор Леноблгорлита Козелова внесла ее в еженедельную «Сводку важнейших нарушений и конфискации с 10 по 20 июля 1936 г.», посланную Жданову в Смольный. «Рядом с материалами, показывающими М. Горького как друга трудящихся, — мотивирует она причину запрещения, — предоставлена трибуна белоэмигранту Бунину. Автор фельетона З. Штейман не мог избежать некоторого скандирования (так! — А. Б.) выдержек из бунинских “Воспоминаний” о Горьком, цель которых опозлить великого пролетарского писателя. Основание <запрета>: указание Ленинградского отделения НКВД. Принятые меры: фельетон снят»*. Как мы видим, «снят» он по прямому указанию органов госбезопасности, которым всегда подчинялись цензурные инстанции: автор явно перестарался, предоставив, хотя и для разоблачения, «трибуну врагу».

В следующем году внимание цензуры привлекла книга музыковеда И. Эйгеса «Музыка в жизни и творчестве Пушкина», которая даже попала в ежемесячную «Сводку важнейших конфискации и запрещений Главлита», также доставленную в Ленинград Жданову как секретарю ЦК ВКП(б). Взгляд цензора остановился на, казалось бы, вполне невинном абзаце, посвященном стихотворению Пушкина «Певец» («Слыхали ль вы за роцей глас ночной...»). «В разделе “Лирические стихотворения”, — говорится в «Сводке...», — по поводу стихотворения

* ЦГА ИПД (Центр. гос. архив историко-политических документов — бывший Ленпартархив). Ф. 24, оп. 2-в, д. 1625, л. 10.

“Певец” автор пишет: “Подлинно конкретного образа певца в этом стихотворении Пушкина, конечно, нет”, а в примечании к этому абзацу добавляет: “Это становится совсем ясным, если сопоставить стихотворение Пушкина, например, со стихотворением Бунина” (мысль спорная, надо сказать; стихотворение Бунина не названо, возможно, имеется в виду «Соловей». — А. Б.). Примечание вычеркнуто*. В тексте вышедшей книги (М.: Музгиз, 1937) это примечание, естественно, отсутствует: не было такого писателя...

Бунин на протяжении десятилетий был отлучен на родине от своего читателя, как и читатель от него. Впрочем, в исключительно редких случаях, явно по недосмотру цензуры, некоторые ранние стихи Бунина «про природу» попадали в школьные и вузовские хрестоматии. Невозможно было все-таки полностью обойти его имя в лекционных курсах, но бунинское творчество подавалось с тех вульгарно-социологических позиций, которые укоренились в советском литературоведении с 30-х годов. В основном упоминались все тот же «Господин из Сан-Франциско», поскольку, по словам преподавателя, читавшего в начале 50-х годов нам курс русской литературы конца XIX — начала XX в., в нем обличались «язвы капитализма», «Антоновские яблоки», посвященные «ностальгическому» описанию «угасающих дворянских гнезд», да некоторые «деревенские» повести Бунина («Суходол», «Деревня») — опять-таки в связи с «критическим реализмом» писателя, показавшего «разложение капиталистического уклада в деревне»**. Понятно, что студенты тех лет ни

* ЦГА ИПД. Д. 2296, л. 294.

** Были, конечно, даже в то время преподаватели, которые, рискуя по меньшей мере научной карьерой, пытались сказать нечто большее или предпочитали «молчать, чтобы не врать». Но были и другие. У моей старинной приятельницы, известного историка библиографии Л. М. Равич, учившейся несколькими курсами ранее, сохранился специальный блокнот с надписью «Шишмаризмы. 1947—1948 гг.». Он содержит отдельные высказывания некоей Шишмаревой, читавшей тот же курс. Лекции ее пользовались замечательным успехом: студенты ловили и записывали ее перлы. Вот некоторые — из лекции о Бунине: «Сегодня у нас с вами творчество Бунина. Мы увидим, как часто он будет бросать взор в невозвратное прошлое и будет его воспевать и идеализировать. <...> На Бунине вы покажете сползание к импрессионизму, несмотря на большие заслуги. <...> Он довольно-таки много клеветал на русский народ. <...> В России Бунин видел Азию...» Трудно удержаться от того, чтобы не продолжить цитирование «шишмаризмов»: «Валерий Яковлевич Брюсов начал как родоначальник символизма, а кончил членом коммунистической

чего не знали ни о гениальном романе «Жизнь Арсеньева», ни о цикле «Темные аллеи», ни о других произведениях, написанных после 1917 г.; о самом факте эмиграции тоже предпочитали помалкивать. В результате такой «отрицательной селекции» в нашем смещенном и искривленном сознании Бунин выглядел как-им-то второразрядным бытописателем, жившим чуть ли не во времена Тургенева, ну в крайнем случае — Чехова, между тем как в 1953 г., когда мы слушали этот курс, Бунин был еще жив: он умер в Париже в ноябре того года.

Перелом, пока еще робкий и нерешительный, наметился лишь в годы «оттепели», когда наконец в 1956 г. вышло 5-томное собрание сочинений Бунина, также лишенное, за немногими исключениями, произведений, написанных за 36 лет его эмигрантской жизни. Известный литературный памятник той эпохи — калужский сборник «Тарусские страницы», вышедший в 1961 г. и вызвавший гнев партийного начальства (издание его было признано «политической ошибкой», руководители Калужского издательства получили выговор «за утрату бдительности» по партийной линии и отстранены от работы) — включил проникновенный очерк Константина Паустовского «Иван Бунин». В нем впервые в подсоветской литературе Бунин был назван автором «блестящих, совершенно классических рассказов» и «первоклассным поэтом». И в то же время статья о Бунине в 1-м томе «Краткой литературной энциклопедии» (1962 г.) полна стереотипных обвинений Бунина в том, что он, «враждебно встретив Октябрьскую революцию», испытал в эмиграции творческий «кризис» и, конечно, «оторванность от родины ограничила диапазон художника, лишила его связей с современностью».

Один из значительных прорывов тоталитарной цензуры — выход в 60-е годы знаменитого бунинского «девятитомника», в котором впервые на родине писателя увидели свет его творения эмигрантской поры: и роман «Жизнь Арсеньева», и «Темные аллеи», и даже, хотя и в усеченном виде, его «Воспоминания». Вышел он благодаря авторитету Твардовского: это был настоящий подвиг редактора «Нового мира», «пробившего» его «в верхах». Проходило собрание сочинений, однако, очень тяжело.

партии»; «Обезьяна, как вы уже знаете, — представитель мира животных»; «Нет чтобы выбрать какого-нибудь советского человека — она (Ахматова) обращалась к черному коту». Последние два перла навеяны, конечно, докладом Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», который по уровню и стилю мало чем отличался от приведенных выше высказываний.

Многое все же, по настоянию идеологического руководства и цензурных органов, пришлось исключить, сделать ряд существенных купюр, особенно в 9-м томе, включавшем «Воспоминания». Наибольшей цензурной правке подвергся очерк «Третий Толстой», посвященный «советскому графу», с которым в свое время Бунин был очень дружен. Он был сокращен почти на треть, и в нем повсюду можно видеть знак «усечения» текста — <...>. Как удалось узнать, Твардовский настоял на непременном сохранении этого знака, тогда как Главлит обычно сопротивлялся таким весьма прозрачным намекам издателей. Помнится, в годы «застоя», когда мне чудом удалось приобрести полное издание бунинских «Воспоминаний» (Париж, книгоиздательство «Возрождение», 1950 — ксерокопию, конечно!), я доставлял немало веселых минут своим друзьям, читая, например, фрагмент, описывающий встречу Бунина в кафе с приезжавшим в Париж в 1936 г. А. Н. Толстым: «“Можно тебя поцеловать? Не боишься большевика?” — спросил он <...>» * и восстанавливая затем купюру по ксерокопии: «вполне откровенно насмехаясь над своим большевизмом». Таких примеров множество; совсем отброшен конец главы о Волошине; как не поддающиеся «купюризации», полностью исключены из «Воспоминаний» очерки «Горький», «Маяковский», «Гегель, фрак, метель» и другие.

В 1970 г. отмечался 100-летний юбилей Бунина: Пушкинский Дом провел большую конференцию, появились книги и статьи о нем, готовилось издание бунинского двухтомника «Литературного наследства». Вышел он в свет только в 1973 г. и содержал ряд неизвестных российскому читателю текстов, как художественных, так и эпистолярных и мемуарных (например, «Грасский дневник» Галины Кузнецовой, но опять-таки в отрывках и с большими купюрами). Не обошлось, конечно, и без уже знакомых утверждений о творческом кризисе Бунина в эмигрантские годы, когда он «понес творческий урон», впервые упомянуты его «Окаянные дни» (о публикации их не могло идти и речи), в которых Бунин «совершенно ослеплен враждой к Советской России» (Кн. I. С. 35). К числу «печальных анекдотов» нужно отнести историю, поведанную Сергеем Довлатовым в рассказе «В тени чужого юбилея». Вместе с Андреем Арьевым им был подготовлен еще в 1968 г. сценарий документального фильма о Буине к его столетнему юбилею. Московская Экспериментально-творческая киностудия, высоко оценив качество сценария, тем не менее под благовидным предлогом отказалась все же ставить этот

* Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 444.

фильм. Как сообщил тогда же авторам Евгений Рейн, истинная причина отказа состояла в том, что Бунин «нахально родился почти одновременно с товарищем Лениным» и руководство киностудии посчитало политически неправильным отмечать в год столетия вождя мирового пролетариата такой же юбилей «белоэмигранта».

С началом эпохи «перестройки и гласности» творческое наследие Бунина стало постепенно возвращаться и раскрываться перед российскими читателями. Произошло это не сразу, а по мере судорожного угасания Главлита и других инстанций, ведавших подавлением мысли. Лишь в 1989 г. дошла очередь до наиболее «опасных» вещей Бунина, в частности, до его дневников 1918—1919 гг. и «Окаянных дней». Последние, к слову сказать, были тогда растасканы по кусочкам: одновременно пять (!) различных журналов накинудись на них, но ни один не напечатал их полностью, пока наконец не вышло отдельное издание «Окаянных дней». Даже в разгар «демократии и гласности» не редкостью было появление в бунинских публикациях ненавистного многозначительного знака <...>. Особенно много их было в цикле этюдов «Под серпом и молотом», который публикаторы несколько стыдливо называли «Странствия». Под таким названием бунинские этюды печатались в парижских эмигрантских газетах в 20-е годы, но, готовя в 30-е для берлинского издательства «Петрополис» 9-й том собрания своих сочинений (1935 г.), писатель дал циклу объединяющее название «Под серпом и молотом» (такое же название имеет он в последнем прижизненном издании сборника рассказов Бунина «Весной в Иудее. — Роза Иерихона», вышедшем в нью-йоркском издательстве им. А. П. Чехова незадолго до его смерти, в 1953 г.). По строгим правилам текстологии, стоило бы принять именно это название, прислушавшись к последней воле автора.

За пятилетие публикаторского и читательского бума (1986—1990) в России вышло, по нашим подсчетам, свыше 40 отдельных изданий произведений Бунина (больше, чем за предшествующие 70 лет), не считая множества публикаций в периодической печати. Некоторые публикаторы, представляя «неизвестного Бунина», не очень тогда уверенные, видимо, в успехе своей затеи, старались как-то «оправдать» его: он, видите ли, «не сразу понял» или вообще «недопонял», «не осознал», «не увидел» и т. п. Такие наивные уловки производили комическое впечатление... Наконец, трудами и тщанием буниноведов, стали появляться хорошо выверенные и откомментированные книги писателя. Здесь прежде всего надо назвать имя Александра Кузьмича Ба-

бореко, крупнейшего, пожалуй, знатока биографии и творческого наследия писателя, подготовившего и издавшего в 1990 г. большой сборник «Иван Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи».

За последние годы вышло уже 4 различных по полноте собрания сочинений писателя, но ни одно из них не включает всего корпуса известных бунинских текстов. Сейчас осуществляется издание наиболее, по-видимому, полного и авторитетного 8-томника при активном участии того же А. К. Бабореко, но и он, насколько можно понять, не будет исчерпывающим сводом текстов. На мой взгляд, давно уже назрела пора объединить усилия буниноведов с целью подготовки действительно полного, желательного академического, собрания сочинений, хотя при современной ситуации издать его будет и нелегко.

* * *

Тоталитарная цензура на протяжении 70 лет играла зловещую роль в исторической драме России XX века: последствия ее будут сказываться еще долгие годы. «Теоретически достоинство нации, уничтоженной политически, — писал Иосиф Бродский в предисловии к «Избранной прозе» Марины Цветаевой (Нью-Йорк, 1979), — не может быть сильно унижено замалчиванием ее культурного наследия. Но Россия, в отличие от других народов, счастливых существованием законодательной традиции, выборных институтов и т. п., в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса посредством упразднения или приравнивания к несуществующим трудов даже второстепенного автора равносильно генетическому преступлению перед будущим нации». Эти слова полностью относятся к сюжету нашей статьи, тем более что речь в ней шла о цензурных преследованиях трудов не «второстепенного автора», а одного из величайших русских писателей.

